

Анна Даш

«Английские» стихотворения

Мейплдерхем*

Снова лето дразнит запахом травы,
птичьим пеньем разгоняет ранний сон
и, развесив изумрудные дары,
посылает колокольный чистый звон.
Потому ли он так долгоден над рекой
и протяжно-нежен в сизых тополях,
что одною мы задуманы рукой,
и обоим обратиться нам во прах?..

* * *

Привет вам мой, английские равнины,
святые камни замков родовых
и парков райский щебет, и картины
живых оград, небес предгрозовых!

И вам, речушки с древними мостами,
тропинки меж раскидистых деревьев,
где бродят тени любящих веками,
в любви все признаваясь нараспев.

Вам, пастбища зелено-луговые,
овечек стадо, тонущих в меху,

---

* Мейплдерхем – местность близ Лондона, упоминаемая Джоном Голсуорси в «Саге о Форсайтах».

и перезвоны сельские литые,
и радуга на радость иль беду.

Привет прощальный! Вас мне не увидеть
и частью жизни счастливой не стать,
но, может быть, – боюсь судьбу предвидеть –
вам будут скромный томик мой читать.

Английская считалочка

У английской королевы
сотня с лишком кавалеров,
двести слуг и лошадей,
тридцать замков и детей,
пятьдесят собачек вздорных
и услужливых придворных,
и супруг числом один.
И порой находит сплин,
обитатель вездесущий,
англичанам столь присущий,

оттого, что королеве
нужно столько кавалеров,
двести слуг и лошадей,
тридцать замков и детей,
пятьдесят собачек вздорных
и услужливых придворных,
и супруг числом один.
Интересный господин!
Делит с нею сплин английский,
добавляя к чаю виски,

неизменно сожалея,
что в придачу к королеве
двести слуг и лошадей,
тридцать замков и детей,

пятьдесят собачек вздорных
и услужливых придворных,
и супруг числом один
на зеленый этот сплин.
Правда, кто-то уверяет,
что в душе он не страдает,

а считает в самом деле,
даже мало королеве
двести слуг и лошадей,
тридцать замков и детей,
пятьдесят собачек вздорных
и услужливых придворных,
хоть супруг пускай один.
Но, конечно, это сплин,
и когда б супруга знала,
тотчас сплетней бы назвала,

не достойной королевы,
у которой кавалеры,
двести слуг и лошадей,
тридцать замков и детей,
пятьдесят собачек вздорных
и услужливых придворных,
и супруг числом один.
Но раз выпущен уж джин
и пошла молва такая,
королеву удручая,

а супруга веселя,
в спор вступили и друзья,
защищая королеву,
у которой кавалеры,
двести слуг и лошадей,
тридцать замков и детей,
пятьдесят собачек вздорных
и услужливых придворных,

и супруг числом один.
Порази паршивцев сплин!

После жаркой перепалки –
не летели разве палки, –
по свидетельствам различным,
нынче тихо и прилично,
и вся рать при королеве:
сотня с лишком кавалеров,
двести слуг и лошадей,
тридцать замков и детей,
пятьдесят собачек вздорных
и услужливых придворных,
и супруг числом один.
Как хорош английский сплин!

* * *

Приятно быть английской леди,
вписать в ближайшие соседи
потомка Мальборо, полдня
пускать полями вскачь коня,
листать роман под сенью вязов
и, не надеясь ни на что,
влюбиться за зиму два раза
и раз один сменить авто.

Приятно гончей быть поджарой
и на охоте мчать стремглав,
и спать вблизи камина жара,
раскинув лапы, хвост поджав,
во сне погоню продолжая
и получая главный приз –
пирог телячий. Что за жизнь!
Что за эклога мировая!

Приятно соколом садиться
на плечи близлежащих гор
и понимать, о чем-то птицы
ведут немолчный разговор.
Приятно деревом подняться
и слиться кроной с синевой
и надо всеми возвышаться.
Приятно... только не собой!

В самих себе нам нет покоя:
то дум навязчивых череда,
то непогода, то иное,
хоть небольшая, но беда.
Самих себя мы ею мучим,
причины тщимся разгадать.
О как же разум злополучен
в сравненьи с телом, знавшим мать!

Сильнее нас желанья наши,
счастливей нас порой мечты
и оболочки брэнной краше,
на мир взирая с высоты,
пусть иногда понять не можем,
чего действительно хотим,
и Бога попусту тревожим,
и просто так себя едим.
Когда бы знать все изначально
и глупой доли избежать!
Но продолжаем в мыслях, тайно,
того, что сгубит нас, желать.

Цветок, живой сонет природы...
Вглядитесь лучше, может быть,
внезапным гневом небосвода
ему здесь завтра уж не быть.

Склонитесь к маленькому чуду,
смахнув задумчивость с чела,
приметен, свеж и юн покуда,
воздайте капелькой тепла
и милым вам воспоминаньем.
Когда ж еще, как не сейчас,
его одаривать вниманьем?
Когда засохнет? Так и нас
должны до сумерек заметить
и непременно отличить,
и нашим чувствам всем ответить,
и долго в памяти хранить.

